

Языки манде и теория языков слогового строя

Типология языков слогового строя разрабатывается почти исключительно на материале идиомов ЮВА. При этом признаётся, что к числу слоговых могут быть отнесены и некоторые африканские языки, однако здесь даже автор наиболее полного теоретического исследования этой проблематики ограничивается лишь самыми общими замечаниями, например: “Судя по описаниям, слоговые языки представлены и в африканском ареале, в особенности среди языков Западной Африки” [Касевич 1983: 118].

Отчасти такая осторожность может объясняться недостаточной полнотой сведений по африканским языкам.¹ Но есть тут сложности чисто теоретического порядка, которые, очевидно, и дают повод для сдержанности.

Возьмём в качестве примера бамана, наиболее полно описанный из языков манде, и применим к нему критерии слоговости [Касевич 1983: 145]:

А. ± возможность морфем с экспонентом, фонологически меньшим чем слог.²

В. ± возможность ресиллабации.

С. ± возможность функциональной нагруженности компонентов слога.

Бамана, получая отрицательные оценки по всем трём пунктам, оказывается языком “чисто-слогового” типа – то есть того типа, само существование которого вызывает у В.Б. Касевича сомнения [1983: 150]. Иначе говоря, он оказывается “более слоговым”, чем даже такие “классические слоговые языки”, как вьетнамский или китайский.

Однако, помимо этих трёх формальных критериев, В.Б. Касевич говорит о ещё одном важном признаке слоговых языков – наличии слогоморфемы. “... слогоморфема – это любой слог, который способен проявлять “грамматическую активность”: он присоединяет к себе грамматические показатели, морфологические, а иногда и синтаксические, удавливается, если удвоение используется для формо- и словообразования.... Её источником служит... достаточно регулярное соответствие между слогом и морфемой: ... нормой ... является соотношение, при котором морфема в плане выражения есть слог, а слог есть экспонент морфемы” [Касевич 1983: 158].

Вот тут и проявляется коренное отличие бамана от слоговых языков ЮВА: ни слогоморфемы, ни тенденции к соотношению слога и морфемы в нём не обнаруживается. Наиболее типичной и частотной здесь оказывается двусложная морфема – в этом отношении он похож скорее на японский язык, который В.Б. Касевич классифицирует как “несобственно слоговой”, фактически приближающийся по своим характеристикам к “неслоговым с чертами силлабизма”. Налицо противоречие, требующее объяснения.

Как представляется, такое объяснение есть; вопрос в том, насколько оно

---

¹ Впрочем, за последние два-три десятилетия ссылки на этот фактор в значительной мере утратили свою обоснованность.

² Здесь нужно сделать одну оговорку: в бамана конечный не-носовой гласный регулярно подвергается элизии, если за ним следует неприкрытый слог (обычно – личное местоимение), например: *ní t'á: fè | ní t'é à fè* ‘я этого не хочу’, так что экспонент морфемы (в данном случае – отрицательно-бытийного глагола) сокращается до одного согласного. Впрочем, этот процесс можно трактовать и как регрессивную тембровую ассимиляцию гласного, в пользу чего свидетельствует и сверхдолгий характер результирующего гласного, и сохранение на нём исходного тонового контура. При такой интерпретации отрицательная маркировка языка бамана по признаку А под вопрос не ставится.

совместимо с теорией силлабизма в её нынешнем виде. Для большей наглядности рассмотрим материал гуру, одного из языков южной группы манде (“группы мани-бандама”), тонкое описание фонологической системы которого дано в работе [Le Saout 1979].

В гуру допустимы следующие типы одноморфемных слов (не-составных, не-дериват, не-редуплицированных): V (всего несколько слов, в основном личные местоимения), CV, CVV, CVCV. По подсчётам Ле Саута, к типу CV относятся лишь 26% всех таких слов, остальные представляют типы CVV и CVCV, то есть могут считаться двусложными. Однако существуют некоторые обстоятельства, которые дали основания Ле Сауту отказаться от рассмотрения и этих типов как двусложных – вместо этого он называет их “силлабемами”.³

Действительно, в гуру одноморфемные комплексы CVV и CVCV (назовём их “квази-двусложными”) отличаются большим своеобразием. Проявляется оно в следующем:

1. На всём протяжении квази-двусложника реализуется одна тонама. Для типа CVV её реализация полностью аналогична реализации на CV; на морфеме CVCV реализация несколько осложнена: на первом гласном (сверхкратком, о чём см. ниже) тон реализуется как ровный (т.е. происходит как бы “выдержка” его начальной стадии), а модуляция реализуется на втором гласном.

2. Среди всех квази-двусложных морфем типа CVCV, значительно преобладают такие, в которых оба гласных совпадают, т.е. CV₁CV₁ (по подсчётам Ле Саута, 33,6% от общего числа “силлабем” гуру – ср. 7,15% для типа CV₁CV₂). В таких морфемах первый гласный всегда реализуется как сверхкраткий.

3. В гуру имеет место вокалическая гармония по признаку назальности и подъёма.⁴ Гармония по подъёму реализуется только в пределах квази-двусложной морфемы (фактически речь идёт о типах CV₁CV₂ и CV₁V₂). Гармония по назальности захватывает и согласные, так что *m*, *n*, *ɲ*, *ŋ* оказываются аллофонами *b*, *d/l*, *y*, *w* соответственно в назальном контексте. Назальность может рассматриваться в гуру как просодическая единица, охватывающая целую морфему.

4. Если не считать недавних заимствований, то вторым согласным в квази-двусложных морфемах типа CV₁CV₂ может быть только *-l-*, а в морфемах типа CV₁CV₁ – только *-L-*.⁵ Под *-L-* имеется в виду ретрофлексный сонант, реализация которого зависит от начального согласного: *-r-* при начальном передне- или среднеязычном, *-l-* при начальном губном или заднеязычном. В рамках назализованных морфем *-l-* и *-L-* реализуются соответственно как *-m-* и *-ŋ-*, *-r̥-*. В свою очередь, *-l-* и *-L-* могут рассматриваться как аллофоны, обусловленные вокалическим контекстом. Можно говорить, таким образом, о “гармонии согласных” (в западноафриканской лингвистике принят термин “homoresonance”, “сореzonантность”).

Всё это свидетельствует о том, что квази-двусложная морфема гуру представляет собой компактную единицу, близкую по своим характеристикам к слогу классических слоговых языков. Это касается и её цельнооформленности, и ограничений на сочетаемость её компонентов, и функциональной и фонетической неэквивалентности начального и не-начального согласных.

Ле Саут предлагал трактовать (в духе Лондонской школы) серединный *-L-* как “латеральную просодему”, характеризующую всю “силлабему”. Соответственно, в его фонемной записи слово [bi̯i] ‘есть’ выглядит как ^Lbi̯i/, причём вокалический элемент

³ Разумеется, в значении, отличном от того, которое принято в российском языкознании.

⁴ Возможно, в последнем случае речь идёт скорее о признаке “продвинуто́сть корня языка”.

⁵ Исключения единичны; Ле Саут обнаружил лишь 3 морфемы с серединным *-b-*, который, к тому же, свободно варьирует с нулём согласного.

можно при этом считать не сочетанием двух гласных, а одним долгим гласным. Следует признать, что при такой трактовке различие между такими квази-двусложными морфемами и слогом слоговых языков становится ещё менее ощутимым, а их трактовка как “силлабем” выглядит вполне обоснованной. Если же рассматривать сочетания гласных в морфемах типа CV₁V₂ и CV₁IV₂ (= ^LCV₁V₂) как дифтонги (чему, в рамках такого прохода, принципиальных препятствий нет), то гуру превращается в “безоговорочно-классический” слоговой язык. Впрочем, “лондонская” трактовка, предполагающая слишком большой отход от фонетической реальности, вряд ли может нас удовлетворить.

В тура (принадлежащем, как и гуру, к южным манде; подробное описание см. в [Beirth 1971]) ситуация, во многом схожая с гуру, имеет и некоторые существенные отличия. Единицы, аналогичные “квазидвусложникам” гуру, распределяются здесь по следующим типам: CV, CVV, CVη, CVLV, CVVV (зафиксирован лишь в одном слове, не считая идеофонов), CVVη (зафиксирован лишь в одном слове, не считая идеофонов), CVLVη⁶.

Гармония гласных в рамках таких комплексов наблюдается, но имеет “смазанный” вид: строго соблюдается гармония по признаку “±носовой”, но не-носовые гласные чётких серий не образуют. Соответственно, в не-назальных морфемах речь идёт скорее о запрете на некоторые типы сочетаний первого и второго гласного (подобных тем, которые имеются фактически во всех языках манде).

Единственный согласный, допустимый в серединной позиции – /-L-, реализация которого зависит от качества начального согласного морфемы (аналогично тому, что наблюдается в гуру). При этом оба гласных в морфеме типа CVLV или CVLVη одинаковы по тембру и реализуются как существенно более краткие по сравнению с “настоящими” двусложными (двуморфемными) комплексами, ср.: /kólól/ ⁷ [kólól] ‘чесотка’, но /kó-ló/ [kó-dó ~ kó-lo] ‘пойдём!’ (мы-уходить). Заметим, к тому же, что неэквивалентность таких одноморфемных и двуморфемных комплексов на сегментном уровне проявляется и в том, что /-L-/ реализуется в виде дополнительно распределённых аллофонов, [-l-, -r-], а начальный /l-/ имеет два свободно варьирующих аллофона, [l-] и [d-]. Ещё одной особенностью таких “квази-двусложников” является факультативная возможность перестановки их серединных компонентов: *tälä* [tärä] = [trä:] ‘чернить’.

Тура имеет 4 регистровых тона. Каждый гласный “квази-двусложника” может иметь свой тон. В то же время далеко не все сочетания тонов в таком комплексе допустимы: тон второго гласного может быть равен тону первого гласного или ниже его, но не может быть выше. В этом – важнейшее отличие от “настоящих двусложников”, тоны которых таким ограничениям не подвергаются. Вторая важная отличительная особенность квази-двусложников – их тоновое поведение в позиции второго члена именной синтагмы. В этой позиции односложные слова меняют свой лексический тон на низкий. То же происходит и с квази-двусложниками: *tóñ* ‘закон’ – *réē tóñ* ‘закон деревни’. Другие же слова, имеющие иногда совершенно аналогичную структуру, оказываются “настоящими двусложниками” и понижают в этой позиции тон только первого своего элемента: *yóñ* ‘лимон’ – *réē yó-ñ* ‘лимон из деревни’. Отметим, что “настоящими двусложниками” обычно оказываются заимствования.

Такое поведение “квази-двусложников” заставило Томаса Беарта считать их

⁶ При этом Т. Беарт рассматривает конечный носовой элемент как “гласный нулевой степени открытости”.

⁷ Тоны в тура обозначены здесь следующим образом: *á* – высокий тон, *ā* – средневысокий тон, *ä* – средненизкий тон, *à* – низкий тон.

слогами. При этом оказывается, что слог может включать в себя более одной гласной и нести более одной тонемы – ситуация в некотором смысле прямо противоположная тому, что наблюдается в бамана и других языках манден.

Создаётся соблазн считать “квази-двусложники” в манде аналогами “полуторасложников” (*sequisyllables*) в мон-кхмерских языках. Однако при более внимательном рассмотрении различия оказываются слишком велики. Во-первых, прототипический мон-кхмерский полуторасложник является результатом присоединения префикса или инфикса, т.е. двухморфемен. Во-вторых, полуторасложник чётко подразделяется на “основной слог”, структура которого аналогична структуре односложника, и “пресиллаб”, имеющий редуцированную структуру [Крылов 2001:128-142]. Таким образом, полуторасложник является несомненно вторичным типом в фонологической структуре мон-кхмерских языков – чего нельзя сказать о “квази-двусложнике” в манде, обладающем значительно большей внутренней целостностью.⁸

Очевидно, ситуация в гуру и тура является результатом незавершённой эволюции по направлению к моносиллабическому строю, в ходе которого произошла нейтрализация инлаутных консонантных оппозиций и выпадение многих срединных согласных. Однако и в тех языках манде, которые более консервативны в отношении инлаутного консонантизма (таких как бамана), прослеживаются, пусть и в ослабленном виде, черты, отмеченные для квази-двусложника в гуру. Так, в подавляющем большинстве языков манде заметны следы гармонии гласных в рамках двусложной морфемы; в большинстве языков манде сегментной базой тона является не слог, а слово или морфема; характерно несовпадение инвентаря начальных и срединных согласных: в частности, очень типично отсутствие /l/ и /r/ в начале слова (морфемы) при их повышенной частотности в интервокальной позиции. Даже в тех языках, где /l/ встречается и в начальной позиции, его поведение может отличаться от /l-/ интервокального. Это проявляется, в частности, в том, что /l-/ в некоторых служебных морфемах, аналогичный по статусу интервокальному, подвержен в синхронии контекстной назализации, а начальный /l/ – нет. Налицо некоторая (пусть и ограниченная) аналогия противопоставлению начальных и конечных согласных слога в классических слоговых языках.

Налицо и общая тенденция многих языков манде к постепенному стяжению двусложных морфем в односложные через выпадение первого гласного (в результате чего появляются слоги со сложными инициалами) или срединного согласного (с образованием долгих гласных или вокалических сочетаний, которые в дальнейшем могут упрощаться), в результате чего идёт приближение к “классическому слоговому” типу – в частности, в этом направлении далеко продвинулся язык дан. С другой стороны, северные языки семьи (сонинке, мандинка, хасонка) оказываются более консервативны в отношении срединных согласных. Надо сказать, что в них оказывается возможной и ресиллабация, так что они и по формальным признакам могут быть отнесены разве что к типу “неслоговых языков с элементами силлабизма”. Таким образом, бамана оказывается на середине пути от языков типа сонинке к языкам “классического слогового” типа. Что касается невозможности ресиллабации в этом

---

⁸ При всех существенных отличиях, термин “полутораслог”, *sequisyllable*, может быть заимствован для описания языков манде (особенно – южных манде): употребляемый мною окказионализм “квази-двусложник” вряд ли может претендовать на статус термина, а терминологическое неразличение между типами CV и CVLV, CVV (Г. Беарт называет и те, и другие “слогами”, Ле Саут – “силлабемами”) вызывает внутреннее сопротивление. Другим кандидатом может быть появившийся в англоязычной акцентологической литературе самого последнего времени термин “foot” (“стопа”), заимствованный из теории стихосложения.

языке, то это объясняется достаточно случайными факторами – в частности, утратой сегментного артикля (в современном бамана он оставил вместо себя тоновый след – “плавающий” низкий тон) и историческим переходом конечнослогового назального сонанта в конце слова в назализацию гласного.

Как бы ни объяснялась нынешнюю ситуацию исторически, противоречие данных манде духу теории слоговых языков заставляет думать о необходимости внесения изменений в положения этой теории. Можно предложить расширить понятие “слога”, включив в него и цельнооформленные квази-двусложные морфемы (“стопы”?) – впрочем, такое решение создаст (помимо прочего) непростую проблему формальных критериев отграничения таких цельнооформленных морфем от “обычных”, не-цельнооформленных.⁹ Можно, напротив, ужесточить формальные критерии, по которым язык признаётся слоговым – например, включить в их число признак наличия слогоморфемы, придав ему высокий иерархический статус (собственно говоря, именно на этом и основаны некоторые трактовки понятия слоговых языков, ср. [Крылов 2001:18]). В таком случае бамана, тура и гуру окажутся вне круга слоговых языков – как, впрочем, и многие языки Юго-Восточной Азии.

Литература

Касевич 1983 – В.Б. Касевич. *Фонологические проблемы общего и восточного языкознания*. М.: Наука, 295 с.

Крылов 2001 – Ю.Ю. Крылов. *Вопросы фонологии монского языка*. Канд. дисс. Спб.: СПбГУ, 159 с.

Bearth 1971 – Thomas Bearth. *L'énoncé toura*. Norman (Oklahoma): S.I.L., 1971, 481 p.

Le Saout 1979 – J. Le Saout. *Notes sur la phonologie du Gouro (zone de Zuénoula)*. Nice : C.E.P.L.A.N. 76 p.

---

⁹ Для языка тура Томас Беарт демонстрирует возможность успешного решения этой проблемы. Для других языков – в частности, бамана – тут возникают труднопреодолимые препятствия.